

Гиперборея 2002

С 2002 года научно-поисковая экспедиция «Гиперборея» значительно расширила географию своих исследований, переместив центр тяжести с Кольского полуострова на Ямал, Таймыр и далее. Повсюду здесь следы древнейшего гиперборейского прошлого. О первых результатах полевого сезона рассказывает руководитель экспедиции В.Н. ДЕМИН, доктор философских наук, член Союза писателей России.

В ПОИСКАХ ГЕРАКЛОВЫХ СТОЛБОВ... НА ЯМАЛЕ**Всё началось на Севере**

На первый взгляд название статьи может показаться экстравагантным. Однако оно совсем не случайно и связано с одной давным-давно сформулированной и даже уже изрядно подзабытой теорией **полярного происхождения мировой культуры и цивилизации**. Ее автор известный ученый XVIII века Жан Сильвен Байи* (1736–1793). Концепция Байи – одного из крупнейших астрономов своего времени, члена трех французских академий (такой чести в истории науки удостаивались лишь единицы), а также видного политического деятеля (о чем – ниже) – связана с весьма нетривиальной трактовкой истории Атлантиды, что уже при жизни ее автора вызвало крайне недоброжелательное отношение и неприятие. Дальше – больше, вплоть до наших дней. Можно наугад открыть любую из современных книг, посвященных Атлантиде (отечественных или переводных), – имени Байи, человека стоявшего у колыбели научной атлантологии, там, к сожалению, не обнаружится.

А все потому, что Байи отстаивал (и добавим – убедительно аргументировал) сногшибательную идею: **Атлантиду следует искать** не в Атлантике или Средиземноморье, а **за Полярным кругом, в Северном Ледовитом океане**. Более того, исчезнувший в морской пучине остров (материк), который Платон нарек Атлантидой, либо тождественен, либо тесно сопряжен с другим социокультурным феноменом древнейшей истории, поименованным античными авторами **Гипербореей**. Последнее понятие искусственное: его придумали эллины, дабы как-то обозначить народы, живущие на Крайнем Севере вот и нашли для всех их скопом одно наименование — **гипербореи** (от греч. *hyper* – «над, сверх, по ту сторону» + *Boreas* – «северный ветер» = «живущие за северным ветром — Бореем»). Из этого акта наименования вытекает, кстати, что эллины, сами родом из Гипербореи, к моменту переселения на Балканы начисто забыли и о своем происхождении, и своей собственной предыстории. Да так, что уже Солон – один из семи мудрецов и основателей Афинской полисной державы вынужден был спрашивать египетских жрецов о древнейшей истории Греции (с чего, собственно, и начинается рассказ Платона об Атлантиде).

В своих научных изысканиях и выводах Байи не был оригинален. На арктическое расположение Атлантиды–Гипербореи, где царил Золотой век, указывали уже античные авторы. Здесь некогда обитали титаны и горгоны, родились многие будущие Олимпийские боги (отчего получали эпитет Гиперборейских), происходили величайшие битвы эллинской предыстории – Титаномахия и Гигантомахия. Здесь же, на берегу Ледовитого океана (или Кронидского моря, как оно именовалось в незапамятные времена), располагался таинственный сад Гесперид, их опекун и родной дядя Атлант держал на своих плечах небо, а Зевс приковал к скале непокорного Прометея и здесь же его освободил Геракл, за что, как сообщает Пиндар, и получил прозвище Гиперборейского (а затем сюда же придет и Персей, чтобы сразиться с горгоной Медузой, и потому получит точно такое же прозвище). Байи проанализировал данный вопрос особенно подробно – с

---

* Французское написание фамилии Байи – *Vailly*, поэтому в русской литературе – научной, справочной, исторической и прочей – он долгое время фигурировал и как *Бальи*. Но примерно с середины XX века русское написание фамилии стабилизировалось и в настоящее время оно приняло употребляемую здесь форму.

привлечением многих первоисточников античных авторов – Диодора Сицилийского, Аполлодора, Плутарха и др., которых ученый-эрудит читал в подлиннике.

В последующие два века судьба концепции Байи оказалась драматичной. По началу для европейских просветителей тема Северной прародины была достаточно актуальна и широко обсуждалась в среде ученых, и среди широкой публики. В России, к примеру, по данной проблеме высказывался известный писатель Василий Васильевич Капнист (1758–1823), опубликовавший в 1815 году в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» изящное эссе под названием «Краткое изыскание о гипербореях», где пришел к смелому выводу, что русский народ является наследником древней Гипербореи, а последняя неотделима от Атлантиды (при этом Капнист ссылаясь и на Байи).

В дальнейшем полярная концепция Прародины человечества и Атлантиды как культурного очага Арктиды почти целый век не получала поддержки. Положение изменилось лишь к концу XIX века, когда ректор Бостонского университета Вильям Уоррен опубликовал беспрецедентную по представленному фактическому материалу и сделанным на его основе выводам монографию «Найденный рай на Северном полюсе» (книга выдержала несколько изданий, последнее – 1893 г.), и особенно с начала XX века, когда увидел свет фундаментальный труд Балгангадхара Тилака (1856–1920) «Полярная родина в Ведах» (1-е издание – 1903 г.). Дальше уже «северную составляющую» в мировой истории игнорировать было невозможно, хотя атлантологи и другие специалисты по проблемам метаистории не слишком торопились пересматривать свои позиции с точки зрения вновь открывшихся фактов.

Впрочем, длительные метафизические исследования и дискуссии мыслителей-традиционалистов завершились созданием и обнародованием основополагающего эссе Рене Генона «Атлантида и Гиперборея», где вновь появилась формулировка «Гиперборейская Атлантида». Не менее конструктивным оказалось сопряжение Гипербореи с описанной в «Географии» Страбона таинственной северной землей Тулэ (другая огласовка – Тула, Фула*), которую

---

* В греческом языке топоним-символ таинственного и недостижимого Севера, пишется через «тету» и воспроизводится в разных языках по-разному — и как Туле (Тула), и как Фуле (Фула). В русском языке принята одновременно и та и другая огласовка. Например, название знаменитой баллады Гёте, написанной им еще в 25-летнем возрасте и включенной впоследствии в 1-ю часть «Фауста», переводится нынче исключительно как «Фульский король». В немецком же оригинале четко значится «т»: *“Es war ein König in Thule...”* (дословный перевод: «[Жил]-был [один] король в Туле»). В «Фаусте» эту балладу напевает беззаботная Маргарита, еще не ведающая о своей трагической судьбе. Между тем во практически во всех переводах «Фауста» (а их на русском языке насчитывается до десяти), включая классические переводы В. Брюсова, Н. Холодковского и Б. Пастернака Thule передается либо как Фуле. Лишь Афанасий Фет (он также перевел обе части «Фауста») поставил в точном соответствии с оригиналом Туле (через «фиту»), но его перевод не переиздавался с конца XIX века. Одно из названий прародины человечества — *Ultima Thule* (“самый далекий Туле”; иногда переводят — “крайний Туле”): с таким эпитетом утвердилось имя древней северной земли в мировой истории, географии и поэзии. Устойчивое латинское словосочетание, превратившееся в крылатое выражение, введено в оборот Вергилием в «Георгиках» (I, 30).

Согласно Словарю Владимира Даля, понятие «тула» – это «скрытое, недоступное место» — «затулье», «притулье» («тулить» — укрывать, скрывать, прятать и т.п.). Русская Тула — действительно сакрально-потаенный центр на русской карте, что связано с его географическим расположением, геологическими и геофизическими особенностями, ферроэнергетикой железно-рудных месторождений. В стародавние времена они, как магнитом, притягивали сюда людей, быстро становившихся благодаря уникальному биосферному и ноосферному влиянию рудознатцами, плавильщиками железа, кузнецами, мастерами и хитроумными умельцами, слава о коих шла по всей Руси. Есть и другие русские слова архаичным корнем «тул»: «туловище» — тело без учета головы, рук и ног; «туло́» — колчан в виде трубки, где хранятся стрелы (отсюда — «втулка»). Производными от той же корневой основы в русском языке являются слова: «тыл» — затылок и вообще — задняя часть чего-либо, «тло» — основание, дно (в современном языке сохранилось устойчивое словосочетание «до тла»); «тлеть» — гнить или чуть заметно гореть и т.д. Тем самым имя города Тула имеет богатейшее смысловое содержание. Интересно, что из истории известна еще одна Тула — столица древней центральноамериканской империи тольтеков (само название народа того же корня). А в Западной Сибири есть небольшая река с тем же названием: Тула — приток Оби. Топонимы и гидронимы с

пытался достичь античный мореплаватель Пифей. Генон склонен был поддержать мнение других исследователей о том, что следует различать Северную (Полярную) Атлантиду и Южную, находившуюся в Атлантическом океане. Первую он предлагал называть Гиперборейской Тулой, а последнюю – Атлантической и сопрягать ее с изначальным местонахождением центра традиции древних тольтеков, основавших в Центральной Америке государство Тулан со столицей Тула, название которого полностью совпадала с одноименным русским городом...

* * *

Так кто же он такой – Жан Сильвен Байи? Сегодня его имя в большей степени известно знатокам истории Великой французской революции (видным деятелем которой он в конце концов оказался), чем специалистам-естествоиспытателям. А между тем в популярном 3-томном труде другого выдающегося французского ученого – Доменика Франсуа Араго «Биографии знаменитых астрономов, физиков и геометров» – от Гиппарха до Джеймса Уатта, изобретателя паровой машины (сей труд дважды издавался на русском языке) – Байи (Бальи) посвящена едва ли не самая обширная статья. Быть может, достижения XVIII века в области теоретической и наблюдательной астрономии в сравнении с предыдущей и последующими эпохами были более скромными, тем не менее именно Байи принадлежит здесь одно из первых и никем не оспариваемых мест.

Он родился 15 сентября 1736 года в Париже в семье хранителя Королевской картинной галереи. А потому детство будущего астронома прошло в Лувре. Здесь же в самостоятельно устроенной обсерватории Байи стал проводить первые астрономические наблюдения. В дальнейшем он прославился изучением спутников Юпитера и вычислениями орбиты кометы Галлея. Его авторитет в научных кругах был настолько безупречным, что в двадцать семь лет его избирают академиком (в дальнейшем он становится членом еще двух академий – как уже было сказано, случай сам по себе в истории мировой науки достаточно уникальный). Не меньшую известность французскому ученому принесли его научные труды. Он стал автором 5-томной «Истории астрономии», но скандальную известность принес самый первый том – «Древняя история астрономии от ее начала до основания Александрийской школы». Изучив все доступные ему сведения, Байи пришел к твердому убеждению, что все известные наработки древних опираются на еще более древние достижения неизвестного («потерянного») народа, обладавшего высокоразвитым знанием. Отсюда оставался один шаг до арктической Атлантиды- Гипербореи. Так оно и произошло.

Сразу же после выхода в 1775 году Байи отправил 1-том «Истории астрономии» в подарок Вольтеру, вот уже много лет проживавшему больным изгнанником в поместье Фнернее, на границе между Францией и Швейцарией. Великий вольнодумец и осрослов не замедлил с ответом: «Я много вам благодарен, потому что, получив в один день Вашу книгу и толстое медицинское рассуждение, я не раскрывал последнего: я прочитал почти всю Вашу «Историю», и здоровье мое поправилось». Тем не менее Вольтер не удержался от нескольких принципиальных замечаний, главное из которых состояло в том, что, по его мнению, древние знание принадлежит самим этим древним народам, а не какому-то неизвестному «потерянному» народу (спор велся в основном вокруг не так давно открытых древнеиндийских Вед и астрономических знаний китайцев и индийцев).

Байи не замедлил с ответом, и уже в следующем 1776 году выпустил в свет сочинение под названием «Письма к Вольтеру о происхождении наук, особенно у народов Азии». Здесь Байи продолжал доказывать, что все современные и древние

корнем «тул» вообще имеют чрезвычайное распространение: города *Тул*, *Тулон* и *Тулуза* во Франции, *Тулча* — в Румынии, *Тулчин* — на Украине, *Тулымский камень* (хребет) — на Северном Урале, река в Мурманской области — *Туллома*, озеро в Карелии — *Тулос*. И так далее — вплоть до самоназвания одного из башкирских родов — *тулвинцев* (*тулбуйцев*) или дравидских народов в Индии — *тулу*.

народы (включая индийцев, китайцев, египтян и халдеев) наследовали астрономические знания от народа более древнего, исторически предшествовавшего всем названным. Среди решающих, с его точки зрения, аргументов был вывод, к которому он пришел, изучая *астрономические расчеты древности*: некоторые (и даже – многие) из них, принадлежа южным народам, *относились к северным (нередко – полярным) широтам*. Поразительно, но факт: два века спустя к точно такому же выводу пришел и Б. Тилак на основе скрупулезного анализа священных санскритских текстов. Ничего еще не зная о древних ариях (общность индоевропейских языков, культур и народов была открыта лишь в следующем XIX веке), Байи, тем не менее, пришел к дерзновенному и абсолютно неприемлемому для его современников выводу: *человеческая история начиналась не с Юга, а с Севера*.

Северный вектор, по Байи, прослеживается во всем – в науке, истории, культуре, языковедении, мифологии, фольклоре, религии. Начало же северной традиции следует искать в Атлантиде. Последняя у большинства ассоциируется с Атлантикой. Однако беспристрастный текстологический анализ показывает, что ни у Платона или других античных авторов, ни в дошедших до нас мифах ни на какой Атлантический океан нет и намека. Самое большее, что можно извлечь из оригинальных текстов, это упоминание о «морском побережье», которое, как нетрудно понять, может быть где угодно. Что касается Атланта, то, как уже упоминалось выше, согласно античным преданиям, и он, и охраняемый им сад Гесперид как раз и находился на Крайнем Севере. Следовательно, и Атлантида (Гиперборея) не может быть ничем иным, кроме как полярной территорией.

Свои соображения и выводы Байи изложил в следующей серии из 13 писем к Вольтеру. Первое из них датировано 16 января 1778 года (когда автор бессмертного «Кандида» находился в месте своего добровольного изгнания – в Фернее), последнее – 12 мая того же года – чуть более чем за две недели до кончины великого философа (котрый, почувствовав скорую кончину, еще в феврале вернулся в Париж, где и умер 30 мая отвергнутый католической церковью). Спустя год Байи издал продолжение своей переписки с Вольтером: она включала единственное письмо Фернейского мудреца, ответы на поставленные им вопросы и тринадцать писем самого Байи, в коих последовательно развивались и всесторонне обосновывались ранее выдвинутые идеи. Новая публикация Байи вызвала неоднозначную реакцию: мнение ученых было в основном негативным, мнение читающей публики – неоднозначным. Однако вскоре на Францию обрушились такие потрясения, которые отодвинули на задний план какие бы то ни было научные дискуссии. В стране давно уже вызревала революционная ситуация, которая к 1789 году стала необратимой. Байи и раньше не проходил мимо острых социальных тем. Так, за три года до революции он подготовил и сделал на заседании академии перед лицом всех присутствующих «бессмертных» (так во все времена именовали французских академиков) доклад о чудовищно неблагоприятном положении в королевских больницах. (Достаточно сказать, что до революции в больницах в одних и тех же помещениях хронические и заразные больные держались вместе с сумасшедшими, операции без наркоза проводились на глазах выздоравливающих, на шестерых больных приходилась одна кровать, а смертность превышала любые допустимые нормы: в королевских больницах людей умирало в несколько раз больше чем излечивалось).

Волна революционных событий с новой силой и в полном смысле данного слова захлестнула академика-астронома, более того – он оказался в эпицентре многих из них. Как депутат от третьего сословия ученый был избран в Генеральные штаты, преобразованные вскоре под давлением революционных событий в Национальное собрание. Наступил звездный час Байи-политика. Авторитет и репутация академика были настолько непререкаемы, что именно ему суждено было стать первым председателем революционного парламента Франции, а через день после падения Бастилии – мэром Парижа.

Спустя год Байи был переизбран на эту должность. Его честность на посту мэра соперничала разве что только с Робеспьером, прозванным в народе Неподкупным. Байи не только не получал никакого денежного вознаграждения за свою практически круглосуточную работу, но еще и раздавал все свои сбережения ученого-академика служащим мэрии и голодающим парижанам. Однако пульс революции и изменение расстановки политических сил Байи чувствовал плохо. Умеренный политик и добросердечный человек, он вскоре стал главным объектом критики страстного трибуна революции Друга народа – Марата. Но настоящая катастрофа разразилась позже. 17 июля 1791 года Байи как мэр Парижа отдал приказ командующему Национальной гвардии генералу Лафайету открыть огонь по доведенным до отчаяния горожанам, выражавшим на Марсовом поле протест против голода и антинародной политики буржуазного правительства. Солдаты стреляли, пока не кончились патроны; горы трупов и реки крови сделали Марсово поле одним из трагических символов последующей мировой революционной истории.

Вся тяжесть ответственности за парижскую бойню легла на плечи Байи. Он оставил должность мэра, попытался вообще отойти от дел и вновь вернуться к научной деятельности, для чего уезжает в Бретань. Его друг, великий математик и астроном Лаплас, подыскал изгнаннику более безопасное убежище, но было поздно: якобинцы арестовали ненавистного им Байи и препроводили его в столицу. Суд трибунала был скорым: 10 ноября (брямера – по революционному календарю) 1793 года бывший мэр Парижа был приговорен к гильотине и в тот же день казнен. Перед тем как взойти на эшафот он подвергся издевательствам и надругательствам толпы. Но смерть свою встретил с достоинством, которое во все времена отличали мудрецов и истинных ученых. Когда палач, ослабившись, съязвил: «Ну, что, Байи, дрожишь?», тот спокойно ответил: «Дрожу, но только от холода...». После неотразимого удара смертоносного лезвия голова академика трех академий (то есть трижды «бессмертного», если расширить традиционное французское понятие) скатилась в большую плетеную корзину и тотчас же, как полагалось в то жуткое время, продемонстрирована ликующим зевакам...

* * *

Теория Байи не только не потеряла своей актуальности спустя 225 лет после написания, но и оказалось востребованной современной наукой. Как ученый-астроном Байи был первым среди тех, кто попытался отыскать и раскрыть реальные природные корни древних сказаний, связанных с солнечным культом. Так, он совершенно правильно и задолго до других исследователей указал на полярное происхождение *мифа об умирающем и воскресающем боге*. Такие древние божества, как египетский Осирис или сирийский Адонис (перекочевавший впоследствии в греко-римский пантеон) в далеком прошлом олицетворяли Солнце, которое за полярным кругом на продолжительное время (зависящее от конкретной географической широты) скрывается за горизонтом, уступая место полярной ночи.

Более того, Байи проницательно рассчитал, что сорокодневный цикл, предшествовавший воскрешению Осириса, соответствует полярному «умиранию и воскрешению» Солнца на широте (северной) 68°. Именно здесь и следует искать прародину египтян с их солнечным культом Осириса. Если взглянуть на современную карту России, то легко определить: шестьдесят восьмая параллель проходит практически по центру Кольского полуострова, через Ямал и Обскую губу, а также обширные территории Западной и Восточной Сибири. Спустя полтора века к аналогичным выводам пришел и Б. Тилак, на основе первоисточников проанализировавший древнеарийский культ Солнца и богини Утренней Зари – Ушас. В «Полярной родине в Ведах» великий сын индийского народа скрупулезно высчитал продолжительность полярных дней и ночей, утренних зорь и сумерек, месяцев и сезонов (как они описываются в священных книгах древних ариев). Современные ученые наложили расчеты Тилака на карту России и также показали,

что, скажем, полярные реалии Ригведы, некоторых других древних текстов вполне могут относиться к регионам Мурмана или Ямала.

Тожественность Атлантиды и Гипербореи была для Байи самой собой разумеющейся (как впрочем и для тех античных авторов, которые касались этого вопроса). Из трудов последних французский просветитель сумел извлечь много неожиданного. Например, он приводит свидетельство анитического астронома Гигина о том, что после окончания тяжелой войны с титанами Аполлон спрятал всесокрушающее оружие Олимпийских богов (по меньшей мере свое собственное и Зевсово) в Гиперборее. Или: со ссылкой на Ферекида – одного из семи мудрецов – утверждается, что гиперборейцы происходили из рода титанов, а сама Гиперборея – это и есть легендарная Страна титанов. Следовательно (вывод напрашивается сам собой), события древнейшей эллинской и предыстории, включая, Титаномахию и Гигантомахию, не могли происходить нигде, кроме Гипербореи. Что касается ее сопряженности с Атлантидой, то Байи следующим образом подвел итог своим размышлениям и изысканиям: «Атланты, вышедшие с острова в Ледовитом море, определенно есть гиперборейцы – жители некоего острова, о котором столько поведали нам греки <...>».

Наконец, невозможно пройти мимо простой, как все гениальное, гипотезы Байи относительно неуловимых Геракловых столбов, которые вот уже более двух тысяч лет после смерти Платона пытаются отыскать повсюду на карте мира: они совсем не обязательно должны представлять собой какой-то грандиозный ландшафтный памятник, вроде знаменитой скалы на Гибралтаре, но вполне могут оказаться обычными каменными менгирами или же вертикальными сооружениями из камней (русские именуют их *гуриями*, «слепыми» маяками), которые воздвигали по всей Евразии (начиная с Обской губы) в честь Геракла или самим Гераклом (Байи считал его солнечным божеством). При этом арена метаисторических событий и предыстория древнейших цивилизаций смело и решительно переносится в Прполярье и Заполярье, где отправными географическими понятиями становятся Шпицберген и Новая Земля, другие арктические острова (осколки погибшего материка), сибирские реки и евразийские горы. Одновременно он, поелику возможно, пытается установить причины глобального катиклизма, повлекшего за собой резкое изменение северного климата и, как следствие, массовые миграции древних народов. Байи живо осознавал значение сделанных им открытий, считая их сравнимыми с открытием Ньютонова закона всемирного тяготения, о чем без ложной скромности поведал в последнем письме к Вольтеру, написанном чуть более за две недели до кончины великого мыслителя.

Впервые познакомившись с «Письмами об Атлантиде...» Байи, я не мог не подивиться, насколько свежими и точными оказались многие идеи трактата XVIII века. Сам являясь автором дюжины книг (а еще больше – статей), посвященных Гиперборее, я с удовлетворением констатировал, что многие из аргументов, ранее сформулированных мной вполне самостоятельно, более чем за два века до того уже приходили в голову другому ученому, размышлявшему над проблемой Полярной прародины человечества.

Чем же актуален Байи сегодня? Конечно же, прежде всего тем, что он впервые на материалах и достижениях науки своего времени (и, естественно, в терминологии XVIII века) четко и недвусмысленно сформулировал **полярную концепцию происхождения мировой культуры и цивилизации**. Отсюда уже вытекали доказательства **полярного местонахождения Атлантиды (в сопряжении с Гипербореей), этногенетической общности древних народов, их культур и моногенеза всех языков мира**. Байи в общем-то правильно представлял и **причины гибели** обеих великих океанических суши, **обусловленные глобальным космопланетарным катаклизмом**, повлекшим за собой Всемирный потоп и катастрофическое похолодание в полярных и приполярных широтах. Следствием этих судьбоносных для истории Земли событий явились **массовые миграции древних народов с Севера на Юг**. К несомненным заслугам французского астронома и

мыслителя-просветителя относится также непреклонное стремление везде и всюду отыскать *материальные корни мифов* и разнообразных мифологических персонажей, а также соответствующих им исторических реалий.

В поисках «геракловых столбов»

Еще работая над книгами «Загадки Русского Севера» и «Загадки Урала и Сибири» (так сказать с конца прошлого XX века) я осознал чрезвычайную актуальность идей Байи для нашего времени и гиперборейских изысканий. Уже тогда была поставлена цель – во что бы то ни стало побывать в тех местах Арктики, которые французский астроном XVIII века считал осколками древней Атлантиды–Гипербореи. Однако задержка с завершением исследований, в течении пяти лет проводимых на Кольском полуострове, позволили осуществить жгучее намерение только летом 2002 года. Первым пунктом был избрана нынешняя территория Ямало-Ненецкого автономного округа, ямальскую оконечность которой Байи некоторым образом и чисто интуитивно отождествлял с северными Геракловыми столбами – преддверием Атлантиды–Гипербореи. Что именно навело на такую мысль друга Вольтера – предстояло разобраться на месте.

И вот я на Ямале. До этого научно-поисковая экспедиция «Гиперборея» исследовала многие регионы Крайнего Севера и Евразии в целом. Ибо пути миграций гиперборейцев с Севера на Юг (после гибели их полярной прародины и изменения климата в сторону резкого похолодания) пролегал по разным маршрутам. Среди стартовых регионов было и Приобье, которое по тогдашним своим природным характеристикам, конфигурации русла рельефа и морских берегов могло выглядеть совершенно по-другому. С полным основанием сказанное можно отнести и к полуострову Ямал, площадью в 122 тысячи квадратных километров, что сравнимо со многими другими крупными полуостровами Земли (территория же Ямало-Ненецкого автономного округа, включающего все Северное Приобье чуть ли не вдвое больше Японии).

История Ямала органически вписывается в гиперборейскую эпоху и закономерно сопрягается с полярной концепцией происхождения человечества и земной цивилизации. Как правило, топоним Ямал переводится очень просто: от ненецких слов *я* – «земля» и *мал* – «конец»; *я + мал = ямал* («конец земли»). Все, казалось бы, ясно, все прозрачно – о чем тут еще спорить. Однако спорить о чем как раз таки и есть! Ненцы (по-старому – самоеды) появились на Крайнем Севере в первые века новой эры. По наиболее распространенной гипотезе пришли они из Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье), хотя есть и другие версии. То, что современные ненцы не слишком похожи на южно-сибирских аборигенов, не столь уж и важно: эскимосы совсем не похожи на полинезийцев, хотя доказано, что приплыли (точнее прилетели, согласно эскимосским преданиям, на «железных птицах») в места своего нынешнего обитания именно из Океании где-то в середине 1-го тысячелетия новой эры.

Однако что было на Ямале до появления здесь ненцев? Не пустовали же сии обширнейшие земли, по территории превышающие площадь современной Британии! По всему побережью Ямала археологи, вскрывая культурный слой, находят следы пребывания человека, датируемые по нижней хронологической планке третьим тысячелетием до новой эры. Летом 2001 года на реке Полуй, в 40 километрах от Салехарда, археологи обнаружили татуированную мумию девочки, которую не смогли отнести ни к какой антропологической расе*, а о времени ее происхождения вообще не могли сказать ничего внятного. Следовательно, ямальские ненцы пришли не на пустое место. Сами они говорят о том, что арктическое побережье было заселено низкорослым народом *сихиртья* (*сиртья*), который переселился под землю (ненецкий вариант широко распространенной легенды о «подземной чуди»).

* См.: Санин Г., Панкратова К. Четвертая раса: Ученые из Екатеринбурга нашли под Салехардом захоронения, способные пролить свет на историю европейских этносов // Итоги. 9 октября 2001.

Но нас интересует совсем другое. Не приходится сомневаться, что появившись на Ямале, ненцы застали здесь уже до них и без них существовавшие названия. Это относится и к реке Оби, устье которой образует обширнейшее Обское море, омывающее полуостров Ямал с востока, и к территории в целом. Название сие вполне могло быть гиперборейским, с учетом того, что Обская губа испокон веков выступала западно-сибирским связующим звеном между Гипербореей и остальным миром. Потому-то данный регион и привлекал интуитивно особое внимание Жана Сильвена Байи.

В названии *Ямала* вполне могут быть отображены древнейшие индоевропейские (гиперборейско-атлантские) реалии. Прослеживаются ли они в топониме *Ямал*? Более чем бесспорно! Общеизвестно, что имя одо из древнейших ведийских богов – *Яма*. Так поименован владыка царства мертвых и одновременно – божество неотвратимого наказания. Санскритское слово *yama* означает «близнец» и все потому, что у *Ямы* была сестра близняшка *Ями* (*Ямуна*), которая согласно Ригведе (*X 14, 1–2*), соблазнила собственного брата, заставив его вступить в инцесуальный (кровосмесительный) брак. По позднейшей индуистской традиции *Ями* считается Царицей ночи, поэтому вполне логично предположить, что именно отсюда происходит малоупотребительное слово *ямеря*, означающее «сумерки» и известное из олонечского северного говора.

Не вдаваясь в дальнейшие мифологические подробности, а также родословную самих ведийских богов, отмечу только, что их имена вполне могли стать основой палеотопонима, который спустя века и тысячелетия новые мигранты – ненцы – осмыслили с точки зрения семантики собственного языка. Точно также в XVII веке русские землепроходцы и мореплаватели переименовывали на свой лад некоторые сибирские топонимы и гидронимы. Так было русифицировано эвенское слово *окат* – «река», превратившись в *Охоту*, откуда уже пошли и город (первоначально – острог) *Охотск*, и *Охотское море*.

От общеарийского теонима *Яма*, в конечном счете, произошло и русское слово «яма», по смыслу вполне сопрягающееся с функциональными особенностями владыки Подземного царства. В русском языке имеется еще одно понятие с аналогичным корнем – *ям*, означающее «почтовую станцию» и ставшее неотъемлемой частью русской жизни во времена татаро-монгольского ига. Отсюда произошли и другие слова – *ямык*, *ямской* и др. Их происхождение из тюркских языков сомнения не вызывает. Но, во-первых, почтовые *ямы* семантически не имеют ничего общего с *ямами* – вырытыми углублениями в земле. А во-вторых, тюркское слово *jam* само могло произойти в рамках ностратической семьи от некоторой общей для тюркских и индоевропейских языков протолексемы. Есть же в тюркских языках слово «*яман*», означающее «плохо», которое кое-где даже перешло в русский язык (см.: Словарь Владимира Даля). *Яман*, то есть «плохо» как оценочное понятие вполне сопрягается с именем бога смерти – *Яма* (смерть – это всегда плохо). Предложенная выше этимологическая реконструкция – никакая не натяжка, а логически обоснованный вывод, опирающийся на конкретные исторические и этногенетические реалии.

При выезде моем на Ямал в июле 2002 года была поставлена совершенно конкретная цель – сопоставить гипотетические выводы Ж. С. Байи с теми реалиями, которые через два с половиной века после его переписки с Вольтером и спустя много тысячелетий после гиперборейского исхода с Севера на Юг удастся обнаружить в приполярном и заполярном регионе, бывшим столь заманчивым и недостижимым для французского академика в XVIII веке. И на первом месте, безусловно, стояли загадочные Геракловы столбы, кои Байи отождествлял с рукотворными артефактами, относящимися к начальному периоду мировой истории. В дополнение к рассуждениям Байи четвертьтысячелетней давности у меня появились собственные достаточно веские аргументы. И касались они, в первую очередь, титана Атланта. Образ его в древнегреческой мифологии, поэзии и эллинском мировоззрении в целом достаточно противоречив. Сказанное недвусмысленно подтверждает характеристика,

данная титану-небодержателю двумя зачинателями античной поэзии – Гомером и Гесиодом. Гесиоду принадлежат хрестоматийные строки, цитируемые бесчисленное число раз (*Теогония* 517–519):

*Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью мощной,
На голове и руках неустанных широкое небо
Там, где граница земли, где певицы живут Геспериды.*

Аполлодор в «Мифологической библиотеке» уточняет: и границы эти, и сам Атлант, и сад гесперид с золотыми яблоками находятся «там, где обитают гиперборейцы» (*III* 5. 11), то есть на Крайнем Севере. Среди утраченных творений Гесиода была поэма, которая называлась «Потомки Атланта». В комментариях античных грамматиков и схолиастов от нее сохранилось несколько фрагментов. В одном из них Атлант назван «блистательным». Казалось бы, что еще можно добавить? Оказывается, очень и очень много! Ибо приведенная характеристика и эпитет, данные Гесиодом, абсолютно не совпадает с тем, что говорится в Гомеровой «Одиссее», где Атлант именуется «кознодем» (то есть «злокозненным»), а про его основное занятие, связанное поддержанием на своих плечах и голове небесного свода, утверждается нечто совершенно другое и весьма любопытное именно для темы настоящей книги.

Можно не открывать «Одиссею» – я сейчас приведу интересующие нас строки. Они из 1-й же главы поэмы Гомера, которая начинается с рассказа о семилетнем пребывании Одиссея на далеком острове Огигия (который, как мы помним из Байи, многие отождествляли с Атлантидой) в волшебном гроте нимфы Калипсо. Предположение вполне закономерное, ибо прекрасная нимфа была дочерью *титана Атланта*. Вот что говорит про нее Гомер (*I* 51–53):

*<...> Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один **подпирает громаду**
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.*

Я намеренно выделил интригующие слова (иначе не назовешь) в классическом переводе В.А. Жуковского. Теперь взглянем как тот же текст звучит в менее известном переводе В.В. Вересаева:

*<...> Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны
Моря всего и который **надзор за столбами имеет:**
Между землею и небом стоят они, их раздвигая.*

Где же тут небо, лежащее на плечах или голове? Оно покоится на **столбах**, а вовсе не на корпусе или руках Атланта. Титан в одном случае подпирает эти столбы, а в другом – просто выступает их **смотрителем и сторожем**. Ну, да Бог с ним, с Атлантом, коего Гомер почему-то недолюбливал (имелись на то, должно быть, веские причины), хотя было сие полубожество (титан) дедом настоящего олимпийского бога – *Гермеса*, хранителя всего тайного и сакрального знания древности (а родила его мать-атлантида *Майя* от любвеобильного Зевса во все той же Гиперборее). Между прочим, известный эпизод, связанный с одиннадцатым подвигом Геракла – встреча с Атлантом на краю земли, где растет сад Гесперид с золотыми яблоками, и *передача* самому знаменитому герою Эллады небесного свода можно трактовать и аллегорически. Атлант, считавшийся первым астрономом древнего мира, мог *передать* Гераклу всего лишь знания о небесной сфере, тайнами которой он обладал.

Однако в приведенных трех строчках из Гомеровой «Одиссеи» содержится гораздо более ценная и интересная информация о загадочных **столбах**, кои, собственно, и поддерживают небо, дабы оно случайно не упало бы на землю. Мне представляется (и уверен, что не ошибаюсь): у Гомера в поэтически-искаженной форме речь идет о действительных каменных столбах, что во множестве и по сей день встречаются в разных регионах мира и в особенности – на Крайнем Севере. Как хорошо известно, в «Одиссее» содержится описание полярной ночи, наверняка принадлежащее очевидцу (таковым не обязательно должен был быть сам Гомер – он мог заимствовать рассказ Одиссея о посещении Киммерии (кстати, и само имя Гомер означает «киммериец») из другого источника. Данный пассаж в поэме следующий (*XI*, 12–19): «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на

звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (*подстрочный перевод В.В.Латышева*).

Сидя за компьютером в Москве, априори можно было выдвинуть гипотетический тезис: раз Русский Север испокон веков, как шахматная доска фигурами, был уставлен «слепыми маяками» – гуриями, – то уж более всего их должно быть в устье Оби, превратившемся в течение тысячелетий в широченный залив – Обскую губу. Для мореплавателей-первопроходцев, заново нанесших на карту эти моря и земли во времена Великих географических открытий Обская губа, считавшаяся ими настоящим морем, была центром притяжения их нередко титанических усилий. В XVI веке английские военные и торговые парусники, искавшие северо-восточный проход в Китай и Индию, просто осаждали Полярное Приобье. Хотя, судя по всему, англичане (а также голландцы в лице Баренца) располагали древними сведениями и картами, восходящими еще к гиперборейской эпохе, на коих Северный Ледовитый океан изображался еще судоходным (по существу он таковым и был), а по Оби и Иртышу явственно обозначался проход в Китай (по крайней мере, если вести указкой или пальцем по карте).

Поездка на Ямал лишней раз подтвердила простую истину: любая теория чего-нибудь да стоит только после того, как подтверждена практикой. Вопреки ожиданиям, гуриев в этой части Российского Севера (и в частности на Обской губе) оказалось до обидного мало. Они, конечно, есть и зафиксированы краеведами – и на западном побережье полуострова, куда еще в XVII веке доходили голландские и английские корабли, и по берегам Тазовской губы, традиционного пути проникновения русских землепроходцев к Енисею и далее, в Восточную Сибирь. Должно быть, раньше гуриев в Приобье было значительно больше. Хотя берега Оби в ее низовьях в основном песчаные, все же подходящий камень имеется в достаточном количестве. Видимо, когда отпала необходимость воздвигать «слепые маяки» в обжитом районе, исходный материал был использован для строительных нужд. Но ключ к разгадке каменных столбов, как оказалось, заключался совсем в другом.

Байи рассуждал правильно, однако ошибся в двух вещах: в координатах и происхождении полярных столбов. Огромных одиночных камней колоннообразной формы в регионе предостаточно, но основная их масса и имеет *естественное* происхождение и находится к юго-западу от полуострова, на Урале, отроги которого вплотную подступают к устью Оби, как бы ныряя у побережья под воды Ледовитого океана с тем, чтобы вынырнуть опять на островах Новой Земли. В Салехарде – столице Ямальского края – испещренные снежниками отроги Полярного Урала видны из любого окна, обращенного к западу. Уральский хребет, протянувшийся на тысячи километров от Полярного круга до знойных и безводных степей, – своего рода нерукотворный сварочный шов, соединяющий Европу и Азию. Близ Салехарда это чувствуешь воочию.

Быстроходные паромы в обоих направлениях непрерывно доставляют людей и грузы через Обь – красавицу-реку, раздольную, как душа народов, обживших ее берега. От Лабитнанги, расположенного на другом берегу Оби напротив Салехарда, прямо через Уральские горы проложена однопутная железная дорога, связывающая Приобье с европейской частью России. Подобие автомобильной трассы обрывается у самых гор, точнее – прямо на ближайшей из них. Это обычная сопка высотой метров шестьсот, с которой открывается незабываемая панорама Полярного Урала. Но главное было в другом: на противоположащей сопке такой же примерно высоты явственно проступали контуры высоких *каменных столбов*.

«Так вот оно в чем дело!» – возликовало все внутри меня. – «Вот же они – приобские «геракловы столбы», про которые писал Байи! Только таковыми следует признать не только рукотворные каменные сооружения, но и естественные *останцы-кукеры*, распространенные во многих частях земного шара и в особенности на Урале. По информации местных краеведов (а они, в свою очередь, опираются на сведения, полученные от геологов), каменных столбов-останцов в округе очень много, но добраться до них не так уж и просто. В одном месте были замечены даже развалины какой-то стены, но данный факт требует уточнения. Чтобы дойти до тех

столбов, которые красовались прямо перед моими глазами на близлежащей сопке, требовалось несколько часов пути туда и обратно. Таким временем ни я, ни сопровождавшие меня проводники не располагали. Поэтому было решено, что в скором времени сюда специально вернется киногруппа и в спокойной обстановке отснимет все, до чего удастся добраться и что послужит материалом для будущего видеофильма, который задумала создать при моем участии телекомпания «Ямал-Регион».

В концептуальном же плане все встало на свои места. Ибо, как хорошо известно, в древности (да и не только в древности) объектами поклонения служили не только камни-останцы, но и отдельные валуны (в России такой обычай сохранился по сию пору). Но что же, в таком случае, первично – поклонение останцам или же поклонение рукотворным менгирам, искусственным столбам и т.п.? Думается, поклонение выдающимся нерукотворным камням и столбам по времени более древне, чем впоследствии воздвигавшимся по их подобию сейдам, гуриям, колоннам, обелискам и каменным алтарям. На Севере (и в частности – на Ямале у ненцев и на Кольском полуострове у саамов) святилища сооружали еще и из рогов и костей животных. Такие во множестве существуют и в наше время. Аналогии напрашиваются сами собой: святилища из рогов и костей известны с глубокой древности и существовали по всему миру. Так, из эллинской истории хорошо известен алтарь *Кератон*, сделанный из скрепленных бычьих и козьих рогов.

Останцы на вершинах и высоких склонах гор обладают поразительной устойчивостью. За тысячелетия ничто не смогло поколебать их незыблемость. Такое впечатление, что их вообще установили намеренно. Кто, зачем, какими силами? Кто? – понятно и без объяснений: конечно, же гиперборейцы. Зачем? – возможно, для ориентира мигрантов, спасавшихся от геофизического и климатического катаклизма. Какими силами? – Так в Гиперборее–Атлантиде ведь существовала высокоразвитая цивилизация, коей были подвластны и техника полета, и, судя по всему, антигравитация. Такое объяснение ничуть не хуже и даже более вразумительно, чем уж совсем неправдоподобное (но странным образом исключительно живучее), что многотонные исполинские останцы на вершины гор забросило силой ледника или в результате его таяния.

Вполне возможно, как сие следует из Гомеровой «Одиссеи», именно столбы-останцы сторожил титан Атлант, олицетворявший множество смотрителей-атлантов. Как сопрягалось все это с поклонение Гераклу, в честь которого, по Байи, и были названы каменные столбы-останцы? Очень даже сопрягалось: Геракл – непосредственный участник всех перечисленных событий, и память о его деяниях в Гиперборее естественным образом запечатлелась в памяти его далеких потомков. Таким образом, получается: Геракловы и Атлантовы столбы – это в принципе одно и то же.

В.Н. ДЕМИН,
доктор философских наук, член Союза писателей России

Салехард – Полярный Урал – Москва

15 июля 2002 г.

(Напечатано в журнале «Мир Севера». 2002. № 3).

Постскриптум – 2003

С каждым годом научно-поисковая экспедиция «Гиперборея», стартовавшая в 1997 году на Кольском полуострове, расширяет географию своих изысканий. Ее участники, количество которых в начальный период достигало ста

человек, побывали в наиболее перспективных для метаисторических исследований регионах Урала и Сибири, на Ямале и на Таймыре. Впереди – высокоширотный поход в Арктику на атомном ледоколе. Однако сакральный район Ловозёрских тундр и священного Сейдозера по-прежнему остается в центре внимания разнообразных групп поисковиков.

В июле 2001 года нам удалось доставить в район исследований мощный георадар, с помощью которого была проведена радиолокация дна Сейдозера и нескольких заповедных участков побережья. Полученные результаты превзошли все наши ожидания. Под поляной, в районе традиционной дислокации базы экспедиции (где в 1922 году располагались лопарские вежи и останавливался со своим отрядом А.В. Барченко), была обнаружена обширная – до 9 метров в высоту – полость пещерного вида, заполненная водой. Отсюда подо дном озера к горе Нинчурт («Женские Груды») ведет тоннель, также заполненный водой и илом. Кроме того, аквалангисты отыскивали на дне лагуны отверстия сифонного типа, уводящие внутрь горы, как бы состоящей из двух половинок (древняя саамская легенда гласит, что они способны двигаться – раскрываться и закрываться). Георадар показал еще один поразительный факт: оказывается, знаменитая мощная дорога (при этом все добавляют слово «как бы») имеет продолжение в глубь, представляя собой либо утопленную в болотистом грунте каменную стену, либо укрепленную с помощью булыжников саму дорогу.

Летом 2002 года в районе Сейдозера, с недавних пор закрытом для свободного посещения (как особо охраняемая территория, принадлежащая коренной малочисленной народности – *саами*), побывала киногруппа центрального телевидения, отснявшая фильм «Северная Атлантида», посвященный древней Гиперборее. Он был показан по 1-му каналу ОРТ 22 ноября того же года и повторен 5 февраля 2003 года. И хотя в сценарий фильма изначально была заложена изрядная доля скептицизма и непрофессионализма (выразившегося в преднамеренном искажении фактов и примитивном политиканстве), результат оказался диаметрально противоположным первоначальному плану. Как и их предшественники, участники киноэкспедиции неожиданно для самих себя натолкнулись на одной из гор в окрестностях священного саамского озера на множество каменных блоков идеальной геометрической формы и явно неестественного происхождения (их размер колебался от двух до пяти метров и более).

Несколько образцов, отколотых от артефактов, были доставлены в Москву и сданы на лабораторный анализ. После нескольких тщательно проведенных экспертиз было представлено следующее заключение, озвученное в смонтированном телефильме самими учеными. Обнаруженные каменные блоки, вне всякого сомнения, ***имеют техногенную природу, а время их искусственной обработки колеблется от восьмого до девятого тысячелетия до новой эры.*** Авторы фильма «Северная Атлантида» попытались с помощью компьютерной графики представить, как могли выглядеть древние сооружения, возвышавшиеся свыше десяти тысяч лет тому назад на горах вокруг Сейдозера. И перед глазами изумленных зрителей (кому довелось увидеть телефильм) предстали величественная колоннада языческого храма и купол древней обсерватории, то есть именно то, что члены научно-поисковой экспедиции «Гиперборей» утверждали на протяжении нескольких последних лет...

Не меньшее впечатление производит гигантский скол в западной части Сейдозера, у скалы Куйвы и слева от 100-метрового человекоподобной фигуры с крестообразно раскинутыми руками (которая сама по себе остается неразгаданной тайной). Практически ровный срез скальной породы вертикально идет от самой вершины вниз на глубину нескольких десятков метров. Невольно на ум приходит мысль об искусственном происхождении скола, аналогичном

искусственным блокам. Но какие существа и какими силами могли это сделать? Ответ можно найти, если согласиться с гипотезой о существовании в далеком прошлом здесь, на Крайнем Севере, технически высокоразвитой цивилизации. Доктор физико-технических наук, петербургский профессор Анатолий Павлович Смирнов, успешно разрабатывающий проблему древнейших высоких технологий, высказал предположение, что подобный эффект при обработке больших площадей скальной породы или при «обтесывании» мегалитических блоков достигается с помощью высокотемпературного излучения, возникающего в процессе фазового перехода энергии и резкого увеличения ее абсолютной величины при создании урановых сплавов. (От себя замечу, что в районе Ловозерских тундр найдены урановые и редкоземельные руды).

Копилка все новых и новых фактов, подтверждающих существование в далеком прошлом на Крайнем Севере развитой гиперборейской цивилизации, продолжает увеличиваться. Начиная с 2000-го года на Русский Север было направлено несколько экспедиций Русского географического общества (руководитель – Сергей Вадимович Голубев). В Хибинах и на островах Беломорья ими был обнаружен ряд артефактов, аналогичных тем которые зафиксированы и Ловозёрах. Летом 2002 года на Соловецких островах этой экспедицией были проведены комплексные изыскания, позволившие идентифицировать ряд традиционных ландшафтных объектов данного беломорского архипелага, как искусственные сооружения и насыпные сопочные курганы или пирамиды. О результатах изысканий сообщалось в прессе, а также докладывалось на конференции «Гиперборея – Арктида – Арьяварта: Истоки цивилизации?», ежегодно проводимой в Санкт-Петербурге Международным клубом ученых. Этот форум, на который съезжаются исследователи проблемы со всей страны и из-за рубежа, стал заметным событием в жизни тех, кто отдает все силы для установления исторической истины.

22 марта 2003 года – первый день эры Водолея.